

На правах рукописи

Ким Игорь Вячеславович

Социальные симулякры и их исторические типы

09.00.11 социальная философия

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Екатеринбург
2008

Работа выполнена на кафедре социальной философии ГОУ ВПО
«Уральский государственный университет им. А.М. Горького».

Научный руководитель – доктор философских наук, профессор
Керимов Тапдыг Хафизович

Официальные оппоненты – доктор философских наук, профессор
Мясникова Людмила Анатольевна

– кандидат философских наук, доцент
Котелевский Дмитрий Владимирович

Ведущая организация – ФГОУ ВПО «Уральская академия
государственной службы»,
г. Екатеринбург

Защита состоится 18 декабря 2008 г. в «__» часов на заседании
диссертационного совета Д 212.286.02 по защите докторских и
кандидатских диссертаций при ГОУ ВПО «Уральский
государственный университет им. А.М. Горького» (620000, г.
Екатеринбург, пр. Ленина 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ
ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького»
Автореферат разослан «__» ноября 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук, профессор

Ким В.В.

Общая характеристика работы

Актуальность проблемы. Сегодня на повестке дня философского и социально-гуманитарного дискурса исследование проблем социальной реальности стоит особенно остро. Исследование такого рода провоцируется заметным возрастанием роли информационных и коммуникативных технологий в современном обществе, соответственно расширением и развитием понятия «социальная реальность» и системой ее репрезентации. Социальная реальность под разными предлогами изгоняется из реальной жизни, и этот процесс развивается как многосторонний и тотальный феномен:

- 1) Реальное положение вещей кодируется, шифруется, мистифицируется и маскируется различными способами и под разными предлогами со стороны различных групп, носителей частного интереса;
- 2) Технологический прогресс, или технологическая, научно-техническая эволюция постоянно отодвигают горизонт невозможного, граница реальности сдвигается в сторону не- или сверхреального (как когда-то казались фантастическими полеты аппаратов тяжелее воздуха, полеты человека в космос, передача изображений и голоса на расстоянии и т.д.), но от этого сфера невозможного только возрастает, горизонт невозможного отодвигается; в конечном счете, технология распространяется на производство социальных институтов и самой социальности;
- 3) Социальная информация насыщается множеством трансцендентных ссылок на сверх-реальность, на трансцендентный порядок мира; религия, искусство, наука существуют и действуют не

только в виде законченных и институционально оформленных доктрин, но и в виде предрассудков и культурных вторичных образований, традиций и ритуалов. 4) Наконец, существуют естественные, спонтанные формы искажения социальной реальности. Это происходит при трансляции культурной и ценностной информации, нагрузка в которых весьма условна. Там, где наличествует недостаток реальности, появляются информационные и смысловые суррогаты. Наследуется не столько первоначальный смысл действия, сколько его ритуальная и ценностная нагрузка.

Одной из граней этого процесса можно считать развитие социальной теории симулякров и симуляции как видов репрезентации. В условиях, когда действительность постоянно конструируется, а само конструирование становится неотъемлемой ее частью, невозможно противопоставлять умножающиеся медийные реальности, опредмеченные, овеществленные и превращенные ее формы. Значит, следует признать, что для описания социальной действительности, не закрепленной за жесткими социальными формами, необходимо воспользоваться неклассической моделью репрезентации, адекватно раскрывающей грандиозность гетерогенного общества.

Симуляция, как социальная репрезентация, может быть полезна в определении нового внеиерархического порядка социального, не поддающегося диалектическому анализу, поскольку «потенциализация» симулякра принципиально отличается от диалектики. Симулякр не обладает собственным содержательным ядром, которое могло бы конфликтно превозмогать само себя в ходе

диалектических революций, – он представляет собой пустую форму, которая безразлично натягивается на любые новые конфигурации. Поэтому симуляция, в силу собственно потенциализации, не упраздняет «вещь в себе», не снимает вопрос о реальном, симулякр бесконечен в своей произвольности, как и проект гетерогенного общества.

В связи с этим возникает необходимость в социально-философском осмыслении феномена симулякров, его теоретико-методологическом обосновании, изучении его влияния на современное общество. Неоднозначность представлений о симулякрах, отсутствие проясненных дефиниций и неопределенность свойств делают социально-философское осмысление этого феномена чрезвычайно важным и актуальным.

Степень разработанности проблемы. Следует подчеркнуть, что для целостного философского анализа феномен социальных симулякров является новым предметом исследования. Однако, отдельные элементы этого феномена, в той или иной степени, рассматривались в контексте осмысления философских, социальных и этических проблем современного общества, в частности, при анализе таких явлений, как виртуальная реальность, массовая культура, информатизация общества и т.д.

Диссертационное исследование выполнено в ситуации парадигматического сдвига, которую можно обозначить как переход от классического к неклассическому типу рациональности, «новой онтологии ума». Необходимость и актуальность этого парадигматического сдвига обоснованы в целом ряде работ,

посвященных классической и современной философии (В.С. Библер, В.Е. Кемеров, М. К. Мамардашвили, Э. Ю. Соловьев, В. С. Степин, В. С. Швырев и др.).

Этот парадигматический сдвиг многие современные теоретики пытаются осмыслить на основе выделения тенденции перехода от модернизма к постмодернизму (З. Бауман, Дж. Ваттимо, Ю. Н. Давыдов, Ф. Джеймисон, Т. А. Клименкова, П. Козловски, В.А. Конев, Ж.-Ф. Лиотар, В.В. Малявин, С. Н. Некрасов, А.С. Панарин, М. К. Рыклин, А. Салмин, Ю. Хабермас, И. Хассан, А.К. Якимович и др.).

В истории философии сложились определенные подходы и способы рассмотрения понятия симулякра и процессов симуляции. Эти подходы имеют свою конкретно-историческую форму. При этом классическая модель репрезентации и проблема симулякров рассматривалась в работах Аристотеля, Августина, Декарта, Лукреция, Платона, Плотина, Эпикура, а неклассическая модель репрезентации и проблема симулякров – в работах Ж. Батая, Ж. Бодрийара, Ж. Делеза, Ж. Деррида, Ж. Клоссовски, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Батая.

Большое значение при разработке методологических оснований теории рекурсивности, состоящей в обосновании принципиальных подходов к анализу социальной гетерогенности и обеспечении адекватных понятийных средств для ее изучения, имели исследования Н.С. Автономовой, В.С. Библера, В. В. Ильина, Ю. Л. Качанова, В.Е. Кемерова, Т.Х. Керимова, Ф. Лаку-Лабарта, Л.А.

Мясниковой, В.А. Подороги, М. Рыклина, А.Ф. Филиппова, М. Хайдеггера и т.д.

При разработке теории рекурсивности, играющей, по сути дела, роль концептуального обеспечения социально-философского анализа проблемы симулякров, диссертационное исследование опиралось на работы Э. Гидденса, Ж.Делеза, С. Жижек, Ж. Деррида, Ж.-Л. Нанси.

В работе использовался сложившийся в отечественной философии онтологический подход к проблеме идеального, сознания и его превращенным формам (Э. В. Ильенков, Э. Г. Классен, В. И. Копалов, М. А. Лифшиц, М. К. Мамардашвили, С. Н. Некрасов, Д. В. Пивоваров, В. В. Скоробогачкий и т.д.).

Другую группу работ составили исследования семиотики культуры, знаковой природы репрезентации, дискурсивного производства социальной реальности (С. А. Азаренко, Д. В. Анкин, Р. Барт, В. В. Ким, Ю. М. Лотман, М. К. Петров, Ю. С. Степанов, Б. А. Успенский, М. Фуко, У. Эко, М.Б. Ямпольский).

Исследованию порядков рекурсивности посвящены работы ряда видных современных философов. Стержневой проблемой данных исследований является стремление создать многомерный образ конкретной исторической структуры на основе пересечения многих составляющих жизни общества. Здесь значимыми идеями являются концепция «трех волн» А. Тоффлера и теория сетевого общества М. Кастельса. В современной отечественной литературе по социальной философии социально-типологический подход представлен в работах следующих авторов: А.С. Ахиезера, И.В. Ватина, А.Я. Гуревича, Ю.Г.

Ершова, В.Л. Иноземцева, С.Г. Кара-Мурзы, В.И. Плотникова, В.Е. Тищенко.

Анализ историко-философской, соционаучной и социально-философской литературы задает определенное направление данного исследования, которое может быть конкретизировано в следующих пунктах:

- во-первых, выявление основных понятий, через которые раскрывается социально-философская концепция симулякров;
- во-вторых, анализ этой концепции в контексте методологических поисков современной философии;
- в-третьих, осмысление связи данной социально-философской концепции с современной исторической ситуацией.

Объектом исследования являются симулякры как социальный феномен.

Предметом исследования являются исторические типы социальных симулякров.

Цель исследования заключается в социально-философском анализе проблемы социальных симулякров и их исторических типов.

Для достижения намеченной цели данное исследование ориентировалось на решение следующих задач:

- проанализировать понятия симуляции и симулякра в рамках классической модели репрезентации;
- проанализировать понятия симуляции и симулякра в рамках неклассической модели репрезентации;

- определить специфику социально-философского анализа понятий симуляции и симулякра в контексте общей теории рекурсивности;
- представить социальную динамику как последовательную смену порядков рекурсивности;
- конкретизировать определение симулякра в различных типах социальности, исходя из представления о различных порядках рекурсивности.

Теоретические и методологические основы исследования - диссертационное исследование опирается на те методы социально-философского познания, которые показали свою продуктивность в частности, принципы, способы понимания и методы, фундирующие данное исследование, могут быть сведены к трем:

Деконструкция. Способ понимания метафизической традиции, ориентация не на деструктивное, а на конструктивное отношение к традиции метафизического мышления, в частности, к принципу репрезентации, единому центру репрезентации. Деконструкция одновременно включает и ограничивает, маркирует и в то же время расшатывает границу, замыкающую поле репрезентации. Расшатывая, смещая всегда исторически обусловленные границы метафизики, деконструируется все то, что связывает модель репрезентации с онтологией, с логоцентризмом.

Принцип рекурсивности. Основное содержание принципа рекурсивности заключается в установлении одновременной возможности и невозможности реальности. Повторение изначально вписано в саму структуру реальности: выход в присутствие сущего

возможен только благодаря его непосредственной повторяемости и удвоению. Складка, внутреннее раздвоение крадет простое сущее в неодолимом движении повторения. Исходная повторяемость, объясняя классическую оппозицию оригинала и двойника, демонстрирует, что оригинал выходит в присутствие только при условии его повторения и что, следовательно, повторение является объяснительной «причиной» всякого тождества, а не производным от него.

В исследовании применяется также социально-типологический подход, позволяющий показать связь различных порядков рекурсивности, симуляции и исторических типов социальности.

Научная новизна исследования. В диссертации разработана общая теория рекурсивности и обоснованы понятие симулякра как исходной повторяемости и его исторические типы.

Положения, выносимые на защиту:

- Осмыслены классическая и неклассическая модели репрезентации и соответствующие им толкования симулякра. В классической философии проблема симулякра редко рассматривается в качестве самостоятельной, но видится как подчиненная более широкой проблеме – проблеме репрезентации. В рамках классической модели симуляция представляется как ложная репрезентация. Согласно неклассической модели симуляция выступает в качестве «исходного» повторения реальности и влечет за собой по причине своего безудержного распространения всеобщую повторяемость и деконструкцию любой тождественности и самождественности. Следовательно, в неклассической логике

повторения повторяется всегда не содержание, сущность или тождество, повторяется всегда смещение и замещение сущности.

- Социальная реальность воспроизводится в, посредством и в качестве конституирующей ее символичности, основное свойство которой заключается в связи, связывании и придании этой связи формы. Связь, связывание – это не репрезентация чего-то реального, а реальное репрезентации, его эффективность и действенность. Поэтому невозможно рассматривать социальное вне симулякра. Любая репрезентация становится симулятивной, но не просто обманкой, а социальным конструктом.

- Функция исходного повторения заключается в установлении одновременной возможности и невозможности реальности. Оно вписано в саму структуру реальности, предпосылка возможности оборачивается предпосылкой невозможности. Сущее начинается с повторения самого себя. Каждый порядок отражает отношение двух пластов реальности: знаковой и референтной.

- Симуляция самореферентна, т.е. имеет дело со своей собственной реальностью, однако то, как он разворачивается, заставляет нас испытывать определенного рода онтологическую иллюзию: симулякру не хватает чего-то не по сравнению с реальным, ему не хватает чего-то в себе самом, он всегда будет половиной не реального, но самого себя. Поэтому все знаки свидетельствуют не о реальном объекте, но, напротив, о другом знаке, посылая нас все дальше по «следам» означающего.

- Первый порядок рекурсивности – это первичная форма повторения в котором обращение знаков строго регламентировано,

это повторение которое имеет жесткую привязку к реальному-настоящему, а значит четкую референцию. Пространство знаков защищено запретом, обеспечивающим им полную ясность. Такие отношения обеспечивают насыщенную конкретными значениями и смыслами коммуникацию, где все означающие – передаваемые от одного участника коммуникации к другому имеют определенных референтов в реальной действительности.

- Второй порядок рекурсивности – это память, чистое прошлое и представление о настоящих временах через призму прошлого, представляющее повторение как маскировку. Второй порядок рекурсивности заключается в маскировке реальности, а вместе с тем в умножении форм рекурсивности. Он более не отсылает к непосредственному, но подменяет его двойником. Исчезновение оригинальной референтности позволяет осуществить общий закон эквивалентностей, то есть делает возможным производство.

- Третий порядок рекурсивности соединяет все три измерения времени и заставляет их теперь выступать в чистой форме, это повторение от избытка, уничтожающее нехватку. Знаки, окончательно утратившие связь с реальностью, теряют все содержательные параметры и превращаются в универсальный код, замкнутый на самого себя. Они освобождаются от экономических, социальных, культурных и прочих означаемых, одновременно становясь универсальной основой любой коммуникации. Таким образом, превращаются в средство коммуникации, не несущее содержательной информации.

- Концепция симуляции раскрывает новое измерение социального. Измерение продуктивной потенциальности, представленное моделями, обретает первичность относительно любого оформленного существования. Событие теперь находит свое место в социальном пространстве, лишь вписываясь в его семантическое поле. Становление симулякра снимает иерархичность событийности, смещает центр, а после и вовсе снимает его. Бесконечное разрастание семантического поля социального, обусловленное «потенциализацией» симулякра, нивелирует онтологическую ценность события и перемещает его в один ряд с тем, что никогда не имело места.

Теоретическая и практическая значимость полученных результатов

Материалы диссертации, положения и выводы, сформулированные в ней, могут существенно дополнить, углубить и уточнить существующее в социальной философии представление о феномене симуляции, способствовать более адекватному пониманию роли симулякров в образовании и развитии социальности.

Практическая значимость данного исследования состоит в том, что его результаты и материалы могут быть использованы:

- при дальнейшем изучении теории симулякров, а также в исследованиях современного социума, исходящих из гетерологичности современного мира;
- при анализе социально-философских проблем, которые сопряжены с понятиями рекурсивности и репрезентации.

- при чтении как основных и базовых социально-философских курсов, так и спецкурсов, соответствующих данной тематике.

Основные выводы и результаты диссертационного исследования могут оказаться полезными для дальнейшей разработки теоретических и методологических вопросов, связанных с определением различных социальных форм, того места, которое занимает среди них феномен симуляции.

Апробация работы. Основное содержание исследования отражено в докладах и выступлениях на научных и научно-практических конференциях в Москве (2005), Омске (2006), Екатеринбурге (2005, 2006). Основные идеи и результаты диссертационного исследования обсуждались на кафедре социальной философии Уральского государственного университета, диссертация была рекомендована к защите.

Структура работы построена исходя из логики развертывания темы, необходимости определения и комплексного анализа феномена симулякра. Она включает в себя введение, две главы, заключение и библиографию.

Основное содержание работы

В первой главе **«Методология и теория анализа социальных симулякров»** обосновывается возможность социально-философского рассмотрения симуляции как социальной модели репрезентации. В этой главе представлена многогранность данной проблемы, рассмотрены классическая, неклассическая и социальная модели репрезентации в отношении с проблемой симулякров.

Первый параграф первой главы **«Классическая модель репрезентации и проблема симулякра»** посвящен анализу основных подходов в рассмотрении классической модели репрезентации. Диссертант рассматривает классическую модель репрезентации как модель, отрицающую саму возможность онтологической позитивности симулякров.

В рамках традиционного рассмотрения репрезентация – это создание образа чего-либо, дающего определенное представление об объекте, представление объекта, но не прямое, коим является презентация, а опосредованное, т.е. посредством каких-либо идей или образов. Наиболее общее определение может быть зафиксировано как «представление одного в другом и посредством другого».

Репрезентация является конститутивной функцией знака, поэтому понятия «репрезентация» и «знак» взаимно определяют друг друга. Репрезентация создает знак и сама предстает как знаковый феномен. Оба понятия раскрываются через связь с презентацией как присутствием или наличием, что демонстрирует традиционный подход к их определению. Связь выражается в том, что феномен репрезентации изначально задается как «запаздывающий» или

вторичный относительно присутствия – презентации, то есть репрезентация возникает в силу отсутствия (в момент представления) объекта, который она репрезентирует. Иными словами, репрезентация представляется как конвенционально принятое установление тождества, которое кажется «правильным» или «подлинным».

В классической трактовке репрезентации выполняется условие тождества мыслимого и мыслящего. Вещи в рамках такого порядка не конституируются, а отражаются. Классическая модель линейна и однонаправлена: ниспадающее движение от запредельного блага к неопределенной материи. Высшее выражает себя в низшем посредством уподобления. Тема возвращения к подлинной реальности, истине, абсолютному, божественному – основная тема античной и средневековой онтологии. Проблема видимостей, подобий присутствовала в теологической схеме репрезентации, заложенной еще Платоном. В качестве оригинала берется трансцендентальная модель – идея. По отношению к ней, по признаку внутреннего, духовного подобия рассматриваются остальные претенденты – копии и симулякры.

В рамках классической модели репрезентации, симулякр следует понимать как копию копии, след следа, удвоение удвоения, которое, также как и копия, претендует на обозначение оригинала, подлинника. В границах иерархии ниспадания к «ущербным» сущностям становится возможно паразитирование на теле знака, размежевание смыслов. В отличие от подлинной репрезентации, апеллирующей к Единому, Истинному, Божественному, которая,

конечно, возможна в классической философии, симулякр – это копия, искажающая свой прототип, а так как истинность определяется, исходя из подобия или неподобия с идеей вещи, то симулякры лишаются онтологического статуса и осуждаются как подделки, вымыслы, призраки. Симулякр противостоит действительности как не истинное, а, стало быть, и не действительное, противостоящее ему, посягающее на Единое.

Во втором параграфе первой главы **«Неклассическая модель репрезентации и проблема симулякра»** диссертантом рассматриваются неклассические модели репрезентации, которые совершенно по иному вскрывают проблему симулякров и симуляции.

Неклассическая модель репрезентации и проблема симулякров анализируются на примере работ Ж. Батая, Ж. Лакана, Ж. Деррида, Ж. Делеза и Ж. Бодриера. Впервые понятие симулякра было введено П. Клоссовски и заимствовано им из работ отцов церкви, осуждающих изображения бога на римской сцене (*simulacrum* является латинским переводом греческого *phantasma*). Ж. Делез использует это понятие для обозначения дифференциальных систем, где различное соотносится с различным с помощью различия. Ж. Бодриер в свою очередь использует понятие симулякра для описания «гиперреального» статуса определенных аспектов современной культуры.

В рамках неклассической модели репрезентации симулякр опрокидывает различие между копией и моделью. Понятия копии и модели связывают нас с миром репрезентации и объективного воспроизводства. Копия определяется присутствием или отсутствием

внутренних, сущностных отношений подобия с моделью. Симулякр же имеет только внешнее и вводящее в заблуждение отношение подобия с предполагаемой моделью. Процесс его производства, его внутренний динамизм радикально отличаются от производства его воображаемой модели: подобие – это только поверхностный эффект, иллюзия. Именно замаскированное различие, а не подобие, создает впечатление «странности», «жуткости», часто связываемые с симулякром. Копия призвана воспроизвести модель, встать на ее место. Симулякр выполняет другую, нежели копия, функцию: утверждает свое собственное различие, указывает не на имплозию, а на дифференциацию.

Бодрияр остается в рамках классической модели репрезентации, поскольку исходит из метафизической оппозиции реальности и симуляции: знак отражает, искажает, маскирует, наконец, обращается в свой собственный симулякр и утрачивает всякое отношение к какой-то реальности. Даже в симулированном состоянии принцип реальности сохраняет свою силу. Но оппозиция эта ложная, поскольку симуляция не симулирует, а производит реальное на основе реального. Симуляция выносит реальное по ту сторону принципа реальности, что и позволяет реальному «заиграть» в симулякрах и посредством симулякров, с присоединением, дистанцированием, открытым интервалом, который его артикулирует.

В рамках неклассической модели речь идет не об оппозиции модели и копии, или реального и воображаемого, а о двух способах симуляции. Первый способ нормативен и репродуктивен. Он

выделяет строго определенные качества реальности, соизмеряет их и создает систему поверхностных подобий. Поверхностных, поскольку они и не являются подобиями, а образцами, стандартами. Речь не идет о платонических копиях, а о человеческих репликантах. Каждое общество создает подобного рода «систему квазипричину». В капиталистическом обществе подобной квазипричиной является сам капитал, описываемый Марксом как «чудодейственная субстанция», поглощающая все сущее и представляющая собой первую и последнюю причину. Этот способ симуляции называется «реальностью». Второй способ симуляции обращается против всей системы подобий и тождеств. Он дистрибутивен, но эффекты распределения бесконечны. Он выделяет не строго определенные, а все качества сразу, умножая и размножая потенциалы. Этот способ называется «искусством». Он создает «детерриторIALIZED территории», обеспечивающие возможности движения во всех направлениях. Раскрывает виртуальный характер реальности: он сводится по существу к «эффекту реальности», производимому образами реального; измерение продуктивной потенциальности, представленное моделями, обретает первичность относительно любого оформленного существования.

В рамках неклассической модели репрезентации симуляция уже не видится как ложная репрезентация, наоборот всякая репрезентация становится симуляцией. В философии различия симулякр приобретает онтологический статус. В рамках теории симуляции считается, что человечество осуществляет социальную деятельность только в пространстве эквивалентных замещений, т.е. обмена,

правила которого заметно видоизменяются в зависимости от культурного и исторического контекста.

Таким образом, в неклассической модели репрезентации выдвижение на первый план симулякров децентрирует мир, нарушает его иерархический порядок. Всякая симуляция, вне классической модели репрезентации, начинается с утопии основного принципа репрезентации, утверждающего эквивалентность знака и реальности. В неклассической модели симулякр – это уже не просто копия копии, деградирующая копия, но напротив является репрезентацией несуществующего, знаком без референта. Симулякр становится своеобразным способом выскальзывания из объятий тождественного, развенчивает семантическое соответствие знака и референта.

В третьем параграфе **«Рекурсивный характер социальности и социальные симулякры»** раскрывается социальное измерение симуляции и возможность социальной репрезентации как рекурсивности.

Анализ репрезентативной и не-репрезентативной модели позволяет выделить два подхода к проблеме симуляции. Классическая философия опирается на репрезентативную модель и определяет симулякр как копию копии, отражение отражения, удвоение удвоения, которое, так же как и копия, претендует на обозначение подлинника, оригинала. Критерием различения копии и симулякра выступает сходство или несходство с истиной бытия или идеей вещи. Не-истина копии копии выявляется в сравнении с истиной присутствующего референта, т.е. идеей вещи, действительным повторением которой выступает первая копия.

Симулякр – это копия копии, двойник двойника, лишенный подобия. Но уже в рамках платоновской репрезентативной модели действует не-платоновский симулякр – симулякр без референта. На самом деле, первая копия или первое повторение удваивает все еще присутствующий референт-оригинал, вторая копия-повторение, повторяющее оппозицию между оригиналом и копией, не выводится и не сводится ни какому референту или присутствию. Повторяя оппозицию между оригиналом и копией, симуляция инициирует и в то же время смещает эту оппозицию в совершенно другую область. Удвоение, следовательно, не производно от присутствующего референта, оно не есть феномен в мире, оно является тем, внутри чего сущее и различные его образы, фантазмы или симулякры, производятся. Поскольку симуляция оказывается имманентной реальности, то не представляется возможным говорить о каком-то присутствии, основании, оригинале.

Не-платоновский симулякр, или исходная повторяемость, избегает бинарной логики. Как дислоцированное и смещенное тождество, т.е. тождество, которое непрерывно отсылает к другому (двойнику), симулякр не подчиняется логике оппозиции и противоречия. Отрицание в данном случае не покрывает игру симулякра: как раз наоборот, статус симулякра в том и состоит, чтобы удвоить игру отрицания и вписать его в собственную структуру как одну из своих множества возможностей.

Любая репрезентация (как правдоподобная, так и ложная) изначально предполагает повторение, удвоение и противопоставление реальности и ее представления. Следовательно,

возникает необходимость рассмотреть условия возможности этого повторения и удвоения. В этом случае можно было бы говорить об общей теории повторяемости, объясняющей саму возможность удвоения вообще. Если принимать необходимость этой теории, то можно сказать, что социальная реальность не представляется в подлинных или ложных копиях с ее предпосылкой «подлинной социальности».

Если же социальность обнажается как ее собственная репрезентация, не отсылающей ни к какой «подлинной реальности», но симулирующей саму себя, тогда она не восходит ни какому образу, а вписывает в собственную структуру возможность бесконечной повторяемости, удвоения, репрезентации в отсутствии повторяемого, репрезентируемого. Поскольку во всех этих случаях изначально предполагается отсутствие самоотождествленной «подлинной реальности», социальность «каждый раз» составляет свою собственную «социацию». Более того, возможность повторения, удвоения замещает собой отсутствие этой «подлинной реальности». И именно поэтому каждый раз имеется другая «социация».

Надо иметь в виду, что речь идет только о возможности повторения, априорно вписанной в структуру реальности. Значит, возможность повторения априорно разделяет единство любой самоотождествленной сущности или субстанции. Повторяемость и ее соответствующие модификации, в связи с этим, выступают условиями возможности идентификации и идеализации.

Репрезентация – это вовсе не представление какой-то реальности. Репрезентация не является аспектом или стороной

реальности: она есть сама эта реальность, явленность или представленность этой реальности. Популярная на сегодня критика симуляции является лишь результатом желания чистой и неискаженной репрезентации. Поскольку симуляция оказывается имманентной реальности, то не представляется возможным говорить о каком-то присутствии, основании, оригинале. Отрицание в данном случае не покрывает игру симулякра: как раз наоборот, статус симулякра в том и состоит, чтобы удвоить игру отрицания и вписать его в собственную структуру как одну из своих множества возможностей.

Функция исходного повторения заключается в установлении одновременной возможности и невозможности реальности. Оно вписано в саму структуру реальности, предпосылка возможности оборачивается предпосылкой невозможности. Оно объясняет тот факт, что выход в присутствие сущего возможен только благодаря его непосредственной повторяемости и удвоению.

Таким образом, в диссертации выдвигается гипотеза о двух логиках, двух видах повторения, которые не противоречат друг другу, поскольку они в точности не воспроизводят друг друга и даже если повторяются, то отражают двойственность, внутренне присущую любому повторению. Согласно классической логике повторение повторяет самотождественную сущность: повторение остается вторичным и производным от этой сущности. Согласно неклассической логике повторение повторяет повторение, оно выступает в качестве «исходного» и влечет за собой по причине

своего безудержного распространения всеобщую повторяемость и деконструкцию любой тождественности и самотождественности.

В рамках неклассической логики повторения повторяется всегда не содержание, сущность или тождество, повторяется всегда смещение и замещение сущности. Повторение – это повторение не тождества, а различия, структуры дифференциальных отношений, в которой повторяется всегда различие. Повторение повторяет повторение, повторяя различает, различая, разрешает.

С точки зрения этой повторяемости переформулируется принцип репрезентации. Если репрезентация может быть понята в обобщенном смысле представления, ре-презентации как повторения, репродукции, например, оригинала, а также в смысле замещения, занятия места другого, тогда всеобщая повторяемость предписывает фундаментальный закон дополнения: «...Для-себя само-присутствия (*für sich*) – традиционно определяемое в своем дательном измерении как феноменологическая само-данность, неважно, рефлексивная или предрефлексивная, – появляется в роли дополнения как первичное замещение в форме «вместо» (*für etwas*)... Для-себя оказывается *вместо-себя*: помещенное *за-себя*, взамен себя. Здесь проявляется странная структура дополнения: с помощью отложенной реакции возможность создает то, к чему она, как говорится, прибавляется».¹ Исходная повторяемость – это не просто удвоение, а различительное удвоение, имеющее структуру складки, опространствования. Благодаря этой складке удвоение дополнительно удваивается, причем таким образом, что его собственная «рефлексия» разделяется до

---

¹ Деррида Ж. Голос и феномен. М., 1999. С. 117.

бесконечности. Структурная дизъюнкция различительного повторения не позволяет существу отождествляться, поскольку в самый момент отношения к себе, оно уже оказывается другим.

Подводя итоги первой главы, автор делает вывод о том, что симулякр проходит сложный путь от онтологической негативности к сверхпозитивному. Любая репрезентация становится симулятивной, но не просто обманкой, а социальным конструктом, цель которого не обман, а творение, ведь в символическом пространстве любое искажение немедленно приводит к созданию нового. Если неклассическая философия утверждает рождение новых «знакотканых» реальностей, то в рамках социально-философской модели мы сталкиваемся с парадоксальностью единения этого размежевания. Симуляция повергает реальное и способствует «имплозии социального» как жесткой формы, и в то же время оказывается единственной формой, в которой возможно его единство-в-различии.

Вторая глава **«Порядки рекурсивности и типы социальных симулякров»** посвящена проблеме социальной динамики, данной через призму порядков рекурсивности, рассматриваются социально-исторические модели как фазы развития симулякра.

Первый параграф второй главы **«Регламентированная рекурсивность или логика повторения»** посвящен начальному или первому порядку социальной рекурсивности.

Исходя из логики рекурсивности, автор делает вывод, что человечество с древнейших времен осуществляет свою социально-историческую деятельность только в пространстве эквивалентных

замещений, т.е. обмена, правила которого заметно видоизменяются в зависимости от культурного и исторического контекста. Любой порядок симулякров основан на структурном законе ценности и регулируется кодом. Порядки симулякра раскрывают логику социальной динамики, которая в целом является динамикой новоевропейской рациональности.

Диссертант полагает, что знаки обладают динамикой сообразной социальному развитию. К примеру, историческая эволюция денег может быть охарактеризована как переход осязаемых денег в символические, т.е. знаковые деньги рыночного обмена, а затем – в семиотические. Вещные отношения образуют социальную реальность, которая разворачивается в рамках вещного фетишизма. Переход к всеобщей форме выражения становится знаковым в развитии товара, этот переход происходит в связи с выделением эквивалента в качестве особой предметности, противостоящей всем товарным телам. Фактически, переход от начальной фазы знакового обмена знаменуется именно появлением эквивалента как возможности замещения.

Далее автор отмечает, что в первобытных культурах знаки еще не приобрели означаемого, а потому у них и нет никакого основания или истинного смысла. В простейших и первейших товарных отношениях нет места эквиваленту, есть просто потребность, такие товарные отношения полностью вписаны в логику натурального хозяйства. Пространство знаков защищено запретом, обеспечивающим им полную ясность, ведь каждый знак недвусмысленно отсылает к строго определенному социальному

статусу. Такие отношения обеспечивают насыщенную конкретными значениями и смыслами коммуникацию, где все означающие – передаваемые от одного участника коммуникации к другому деньги – имеют определенных референтов в реальной действительности.

Первый порядок рекурсивности – это первичная форма повторения, в котором обращение знаков строго регламентировано, это повторение, которое имеет жесткую привязку к реальному-настоящему, а значит, четкую референцию.

Во втором параграфе второй главы **«Эквивалентная рекурсивность или повторение логики»** автор раскрывает специфику второго порядка рекурсивности.

Диссертант подчеркивает, что переход к всеобщей форме выражения становится знаковым в развитии товара, этот переход происходит в связи с выделением эквивалента в качестве особой предметности, противостоящей всем товарным телам. Это и есть опредмечивание стоимости. Такое опредмечивание делает стоимость всеобщей и таким образом, «проявляет» общественный статус эквивалента. Фактически переход от начальной фазы знакового обмена знаменуется именно появлением эквивалента как возможности замещения. Эквивалентная форма какого-либо товара – это форма его непосредственной обмениваемости на другой товар. Товар обнаруживает свое собственное стоимостное бытие в том, что, не принимая никакой формы стоимости, отличной от его телесной формы, приравнивается к другому товару. Всеобщая форма стоимости, таким образом, есть общественное выражение товарного мира.

Далее автор продолжает рассмотрение динамику знака на примере денег. Достигнув определенной фазы, они перестают быть просто средством коммуникации и товарооборота, они и есть сам оборот, то есть форма, которую принимает система в своей динамике. Деньги рыночного обмена способствуют выходу за рамки пространственно локализованных отношений и связей, маркированных конкретной символикой. В индустриальном обществе деньги означают рыночные стоимости, вносят единый «язык» со своей «грамматикой» в реальные экономические и социальные отношения, устанавливают единообразные связи между трудом и заработной платой, различными меновыми стоимостями, маркируют социальные роли. На этом этапе функциональность денег отражается в множественности форм, которые они приобретают в обществе, деньги еще не утратили референта в экономической и социальной реальности: выраженные в деньгах прибыли еще соответствуют реальному экономическому успеху предприятия, состояние финансов в обществе отражает реальное положение дел в его экономике и т.п.

Пока деньги остаются непосредственным средством коммуникации, поскольку они еще обладают референцией и несут какую-то информацию о референте, то есть до тех пор, пока они соответствуют реальной экономике.

Диссертант приходит к выводу, что промышленная эпоха порождает новое поколение вещей и знаков. Это знаки, которые не приходится больше подделывать, так как они изначально производятся в огромных масштабах. Исчезновение оригинальной референтности позволяет осуществить общий закон

эквивалентностей, то есть делает возможным производство. Ведь производство – это процесс исчезновения всякого оригинала, дающего начало серийности идентичных единиц. Производство в области знаков является по сути лишь эпизодом в череде симулякров: симулякром с помощью техники, потенциально идентичных знаков в рамках бесконечных серий. Овеществление общества сопряжено с параллельным процессом высвобождения и разрастания знакового пространства. Однако пока вещи служат для удовлетворения реальных потребностей, они еще имеют некоторое референциальное отношение, но вещь, произведенная серийно, симулирует уже не другую вещь, как это делала подделка, а саму себя.

Второй порядок рекурсивности – это память, чистое прошлое и представление о настоящих временах через призму прошлого, представляющее повторение как маскировку. Второй порядок рекурсивности заключается в маскировке реальности, а вместе с тем в умножении форм рекурсивности. Второй порядок более не отсылает к непосредственному, но подменяет ее двойником.

Третий параграф второй главы **«Коммуникативная рекурсивность или вечное повторение»** посвящен третьему порядку рекурсивности и раскрывает актуальность проблемы симулякров в современном обществе.

В диссертации утверждается, что начиная уже со второго синтеза времени образ, по мере своего развития, строит себя в двойном ряду, в ряду реальных объектов и в ряду виртуальных объектов. Эти ряды взаимозависимы, они питаются друг другом в силу сущностного различия. При этом виртуальные ряды выделяются

из реальных. И выделяемое виртуальное приобретает новую сущность. Виртуальный объект свидетельствует не о реальном теле, но, напротив, о другом виртуальном теле. Виртуальному объекту не только чего-то не хватает по сравнению с реальным объектом, из которого он выделяется, ему не хватает чего-то в себе самом, он всегда будет половиной себя.

Недостаточность памяти приводит к третьему синтезу времени. К повторению от избытка, будущего как «вечного возвращения». Поскольку «вечное возвращение» определяется лишь в будущем и произведено при условии нехватки, то оно напротив отрицает прошлые послышки. Это в свою очередь становится отрицанием самой нехватки реального, вследствие которого необходима маскировка. Таким образом, третий синтез это повторение от избытка, уничтожающее нехватку. Третий синтез соединяет все три измерения времени — прошлое, настоящее, будущее — и заставляет их теперь выступать в чистой форме. Это вечное возвращение, которое означает отсутствие точно определенного первоначала, или определение первоначала как различия, соотносящего различное с различным для того, чтобы заставить его вернуться.

Вечное возвращение порождает образ подобия как образ негативного, оно окружает симулякр тождеством, подобием и негативным. Но это симулируемые тождество и негативное. Вечное возвращение задействует их как никогда недостижимую цель, вечно искаженный эффект, всегда извращенное следствие. Оно каждый раз пользуется ими ради смещения тождественного, искажения подобного, отклонения следствия. Ведь существуют только

извращенные следствия, искаженные подобия, смещенное тождество, недостижимая цель. Вечное возвращение ставит на службу симулякру отрицание: чтобы отрицать все, что отрицает утверждение – множественное, различное; чтобы зеркально отразить в нем собственное утверждение, удвоить утверждаемое.

Поэтому, третий порядок – это повторение от избытка, уничтожающее нехватку. Знаки не обмениваются больше на «означаемое», они замкнуты сами на себя. Они симулируют наличие связи «знак-референт», и эти симулякры функционируют как самодостаточные знаки.

Диссертант приходит к заключению, что третий порядок рекурсивности приводит к «развеществлению общества», к его «виртуализации». Симулякр паразитирует на смысле, опустошая его, но продлевая ему жизнь, отодвигая его конец. Само поддержание социальной системы продолжается как симуляция, не скрывающая отсутствие глубинной реальности, но как потенциализация бесконечной вариативной реальности.

В заключении подводятся итоги, излагаются перспективы дальнейшего исследования социальных симулякров. Результатом исследования является обоснование социально-философского анализа симулякров и их исторических типов. В процессе исследования были выявлены классический и неклассический модели репрезентации. В рамках классической модели социальное бытие ориентируется на данные образцы. В неклассической модели – акцент делается на различиях, когда онтология симулякров оборачивается симулятивной онтологией. Рассматривая тему симулякра в контексте современного

социально-философского дискурса, была предложена общая теория рекурсивности, согласно которой симулякр выступает эффектом всеобщей повторяемости. Теория рекурсивности прорабатывает тему порядков повторяемости и типов симулякров. Проведенный анализ позволяет продумывать существо современной социальности в динамичных точках ее прироста.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Статья, опубликованная в ведущем рецензируемом научном журнале:

**1. Неклассическая модель репрезентации и симуляция
социального**

// Известия Уральского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2007. № 48. Выпуск 2. С. 30-34. (0,5 п.л.).

Другие публикации:

2. Симуляция и общество различия // Материалы IV Российского философского конгресса "Философия и будущее цивилизации". Т.5. – М.: Современные тетради, 2005. – С. 558 – 559. – 0,1 п.л.

3. Классическая и неклассическая модели репрезентации: проблема социальных симулякров // Социемы. 2005. №11. Екатеринбург, 2005. С. 68-80. (0,8 п.л.)

4. Симуляция и постмодернистская перспектива социальной философии // Первая Всероссийская научная конференция «Философия и социальная динамика в 21 веке: проблемы и перспективы». С. 340-348. Омск, 2006.

5. Постмодерн: потенциализация симулякра и снятие принципа реальности //Сумма Философии. 2006. Выпуск 6. Екатеринбург, 2006. С. 89-96. (0,8 п.л.)
6. Эсхатология события // Коллективная монография «Общество как со-бытие: «система» и «жизненный мир». Омск, 2006. С. 151-156. (0,4 п.л.)

